

Библиография

- Борозна Н.Г.* Некоторые материалы об амулетах — украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.
- Васильева Г.П.* Магические функции женских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культуры народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. М., 1986.
- Васильева Г.П.* Украшения-обереги у туркмен // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989.
- Гордлевский В.А.* Старая начальная школа: Избр. соч. М., 1962. Т. 3.
- Кучкор М.У., Садуллаев М.Т.* Таинственные свойства арабских букв. Ташкент, 1992.
- Левкиевская Е.Е.* Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002.
- Льюис Р.* Османская Турция. М., 2004.
- Berk S.* Ottoman talismanic seals // Art and culture magazine. 2004. Issue 12.
- Budge E., Wallis A.T.* Amulets and Talismans. N.Y., 1968.
- El-Tom A.O.* Berti Qur'anic Amulets // Journal of Religion in Africa. 1987. Vol. 17. Fase 3. Oct.
- Eyuboglu I.Z.* Anadolu buyuleri. Istanbul, 2004.
- Eyuboglu I.Z.* Anadolu inanclari. Istanbul, 2007.
- Eyuboglu I.Z.* Cinci buyuleri yildizname. Istanbul, 2001.
- Gökyay O.S.* Talismanic shirts // Art and culture magazine. 2004. Issue 12.
- Handloff R.E.* Prayers, amulets and charms: Health and Social Control // African Studies Review. 1982. Vol. 25. No. 2/3. Jun.-Sep.
- Iloglu M.* Gizli Ilimler Hazinesi, 5 cilt. Istanbul, 1970, 1971, 1972, 1973, 1974.
- Ornek S.V.* Turk Halkbilimi. Ankara, 1977.

И.Ю. Котин

ИНДИЙСКИЙ ТЕКСТ ИНДИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ

Индийский текст индийской диаспоры отражает основные этапы южно-азиатской миграции, но также выражает проблемы и чаяния нового поколения южноазиатов, уже родившихся или выросших на новой родине, далекой от индийского субконтинента, а также мысли и мечты тех, кто остался в Индии, Пакистане, Бангладеш, но связан с ними родственными, кастовыми, земляческими, дружескими узами. История литературы диаспоры — это история миграции из исторической Индии, оседания и деятельности выходцев из Южной Азии на новой родине.

В настоящее время за пределами Индийского субконтинента проживает более 20 млн индийцев, пакистанцев и бангладешцев, которые не порывают связей с родиной. При этом многие из них вовлечены в тесные контакты и с выходцами из Южной Азии в других странах, что позволяет говорить об особом явлении — *южно-азиатской диаспоре*.

Нет никакого сомнения, что уже с первых лет существования за рубежом индийцы создавали песни, другие произведения устного жанра, отражающие печальный опыт «кангани» и «нарак» — тяжелого подневольного труда в колониях. Однако эти песни, сказания, другие следы «устной истории», «устного

творчества» еще предстоит найти и собрать исследователям. Более определенно об «индийском тексте» можно говорить в связи с распространением средневековой эпической поэмы на авадхи «Рамачаритаманаса» Тулсидаса — переложения санскритской «Рамаяны» и примыкающей к ней поэмы «Ханумана-чалиса». Это, однако, еще собственно индийские тексты, получившие распространение и в диаспоре.

Как таковое письменное творчество, создание собственно «текста» диаспоры раньше всего началось в «сахарных колониях» Англии в Вест-Индии. В 1940–1950-е годы на Тринидаде, в Суринаме, Гайане появляются произведения индийцев, как правило, журналистов, адвокатов, врачей, учителей, пробившихся в ряды местной элиты благодаря образованию, часто в протестантских миссионерских школах. Второе поколение индийской интеллигенции уже заявляет о себе громче, обыгрывая местные «колониальные» сюжеты, но не замыкаясь на них. Пример такого выхода в мировую литературу — литератор и писатель во втором поколении, лауреат Нобелевской премии в области литературы Видьядхар Сурадхипрасад Найпул.

В.С. Найпул родился на Тринидаде в городе Чагуанас в семье индийского брахмана. Отдельные исследователи отмечают большое влияние в городе этой семьи¹. Предки Найпула были родом из Соединенных Провинций. Отец писателя работал в газете «Тринидад Гардиан». По его настоянию Найпул уехал учиться в Оксфорд. Тринидадское правительство предоставило талантливому молодому человеку из влиятельной индусской семьи стипендию. По завершении учебы в Оксфорде Найпул стал сотрудничать с различными газетами и выбрал писательское ремесло. При этом он поддерживал связи с родиной, много путешествовал, а жил преимущественно в Англии.

Славу Найпулу принес роман «Дом для мистера Бисвас» (*A House for Mr. Biswas*), в котором, как и в книге «Мистический массажист» (*Mystic Masseur*, 1957), рассказывается о поиске индо-тринидадцами своей идентичности. Оставшаяся без главы и главного кормильца, семья Бисвас не в состоянии самостоятельно справиться с проблемами. Ей помогают, однако близкие и дальние родственники — единственная опора в Тринидаде, разделенном между индо-тринидадцами и афро-тринидадцами. Примечательно, что герои Найпула следуют путями южно-азиатской диаспоры. Действующее лицо романа «Поворот реки» (*A Bend of River*, 1979) мусульманин Салим открывает магазинчик в африканском городке на берегу реки, где-то в Уганде или Кении. Салим добивается успеха в своем скромном бизнесе, но ему не достичь большего в стране «Большого Человека» — Президента, где индийцам — «азиатам» — отведена роль людей второго сорта.

Найпул уже давно проживает в Англии, олицетворяя таким образом судьбу многих индо-тринидадцев. Рожденный в семье индийских иммигрантов в Вест-

¹ Mustafa F. V.S. Naipul. Cambridge, 1995. P. 13. См. также: Dance D.K. Fifty Caribbean Writers. A Bio-Bibliographical Critical Sourcebook. L., N.Y. 1990.

Индии, он, ощущая себя «человеком просто» и «гражданином мира», сохраняет память о своих индийских корнях.

С конца XIX в. Северная Америка стала предметом мечтаний многих индийцев, жаждавших улучшить свое материальное положение и не видевших перспектив такого улучшения в Индии. При этом некоторая поверхностность американского лоска при сохранении индийской натуры нередко была темой для юмористических произведений индийских авторов. Одна из наиболее известных новелл на эту тему принадлежит классику литературы урду Кришану Чандру. Обратимся к произведению «Амрика се вапас аневала хиндустани» («Индиец из Америки») в сборнике «Ек рупайа, ек пхул» («По рупии цветок») (Лахор, 1960). Приехавший из Америки индиец глуп, надменен, привязан к вещам. И все-таки такими благополучными людьми чаяли стать многие выходцы с индийского субконтинента.

Приезд индийцев в Северную Америку стал массовым только после 1961 г., зато возникновение большой и влиятельной общины «амрики деши» породило весьма богатую индоамериканскую литературу на английском языке, создаваемую как американцами индийского происхождения, так и индийцами, побывавшими в США и вернувшимися на родину. Один из таких интересных романов — «Наследство разоренных» Киран Десаи.

Действие романа происходит как в глухом пригималайском местечке близ непальской границы, так и в Америке, куда отправился за лучшей долей сын повара главной героини. Молодой человек, которого зовут Биджу, чудом попал в Америку после настоящей осады и штурма американского консульства сотнями искателей лучшей доли. Однако, не имея средств к существованию, Биджу не обрел легкого счастья. Ему пришлось работать во многих закусочных — итальянском ресторане, китайской закусочной, индийском вегетарианском заведении. В конце концов Биджу лишился и такой работы. На последние накопления Биджу покупает билет домой. По дороге его грабят. Не осуществилась его «великая американская мечта», да и более скромные надежды хоть на какие-то накопления под угрозой. «Черный день» наступил. На родине — беспорядки. А удастся ли сохранить остаток накоплений, спрятанных Биджу, — вопрос, на который автор не дает ответ. Но Киран Десаи не только рассказывает «американскую сагу» Биджу. Яркими мазками дается вся картина диаспоры, увиденная героем: «Биджу уже успел узнать, как во всем мире относятся к его соотечественникам.

В Танзании, если бы могли, выкинули бы их вон, как сделали в Уганде.

На Мадагаскаре, если бы могли, выкинули бы их вон.

В Нигерии, если бы могли, выкинули бы их вон.

На Фиджи, кабы могли, выкинули б их.

В Китае их ненавидели.

В Гонконге.

В Германии.

В Италии.

В Японии.

*На Гуаме.
В Сингапуре.
Бирма,
Южная Африка
Их не любят.
Гваделупа. Любят их здесь?
Нет» (С. 113–114).*

В Британии ситуация несколько иная. Индийцы — слуги, сипаи и айинянки впервые оказались на Альбионе вместе с «набобами» — англичанами-нуворишами. Образ Индии в Британии неотделим от образа Раджа — британской власти в Южной Азии, времени успеха, славы, богатства в сказочно богатой, но по-восточному неоткровенной, коварной, коррумпированной и развращенной стране. А между тем индийцы, приезжающие в Англию, видят такой богатый, но развратный и развращающий Вавилон в Англии. Не исключение — Лондон-Вавилондон, описанный Салманом Рушди.

Это британский писатель индийского происхождения. Его роман «Сатанинские стихи» получил бурные отклики во всей Южной Азии, в Иране, в арабском мире. Мастер пера, признанный новеллист и публицист, лауреат самой престижной в Англии премии Букера за литературное творчество, автор нашумевших романов «Гримус», «Дети полуночи», «Стыд» Салман Рушди на пике популярности опубликовал в 1988 г. книгу, которая не могла не вызвать критики, споров, возмущения среди мусульман и скандальной славы.

Роман «Сатанинские стихи» представляет собой стилизацию под характерную для литератур Индия и арабского Востока «обрамленную повесть» — длинное повествование с одним основным и бесконечным множеством дополнительных сюжетов¹. Все комментаторы соглашаются с тем, что роман Рушди содержит сатиру на пророка Мухаммада и Коран. Имя пророка прямо не называется, но высмеиваемый в «Сатанинских стихах» Махаунд очень его напоминает. Роман содержит также сатиру на имама Хомейни. Однако первые негативные оценки на книгу пришли не из Ирана, а из Индии, и касались они именно использования вымышленного имени Махаунд, созвучного английскому «*my hound*» («*моя собака*»).

Описанный Рушди «Вавилондон» — «город видимый, но невидный» — через десятилетие после выхода романа уже приобрел как минимум два четко выраженных, видимых и отмеченных индийскими «знаками-символами» района: Саутолл («Маленький Пенджаб») на западе Лондона и Брик Лейн — «Маленькая Бенгалия» на востоке, в историческом районе проживания иммигрантов — Ист-Энде. Не случайно это название — «Брик лейн» — дала своему роману англо-бенгальский автор Моника Али.

¹ Изложение содержания романа дается М. Салганик в послесловии к роману Рушди «Стыд» (Иностранная литература. 1989. № 9) и в статье Е. Калининской «Феномен Салмана Рушди» (Азия и Африка сегодня. 1997. № 1–2).

В этом романе, за который автор была удостоена премии Буккера, дается параллельное описание жизни двух сестер, одна из которых осталась в Бангладеш, а другая была выдана замуж за осевшего в Лондоне бенгальца, куда она и перебирается к мужу. В произведении дана картина жизни мультикультурного района Лондона Тауэр Хэмлетс и его бангладешского анклава на улице Брик лейн.

Брик лейн, увиденная главной героиней — это надписи на бенгали, индийские рестораны, мечети, рынки, полные одетых в хиджаб домохозяек, молодых безработных парней, готовых идти на митинги и творить погромы от безделья, но во имя какой-либо красивой идеи. Увиденная Назнин Брик лейн — это и кусок Англии, и часть Бангладеш, и пересечение путей всех народов, иммигрантский рай и иммигрантский ад.

Итак, «индийский текст» индийской диаспоры неразрывно связан со страшной происхождением — исторической Индией. Даже если эта историческая родина проклинается или умышленно игнорируется тем или иным героем, он от нее неотделим. Эта незримая, но глубокая связь персонифицирована в героине Салмана Рушди. Героиню его романа «Клоун Шалимар» «назвали Индия. Свое имя она не любила. Где это слышано, чтобы людям давали такие имена. <...> Так или иначе, но имя Индия не подходило ей никоим образом. Оно было экзотично, колониально и с претензией на принадлежность к чуждой ей реальности, и она внушала себе постоянно, что для нее оно совсем не годится. Она не желала ассоциаций ни с простором, ни с необычной темпераментностью, ни с перенаселенностью; не хотела быть ни древней, ни шумной, ни таинственной, избави боже. Ни за что не желала иметь отношение к стране третьего мира. Совсем наоборот»¹.

Да, именно так, отталкиваясь и дистанцируясь от прошлого покинутой родины, индийская диаспора, тем не менее, не становится органической частью мира, который ее принял. Точнее, став частью этого мира, диаспора перестает существовать. Пока же она есть, и плодотворно создает свой «индийский текст».

Н.Г. Краснодембская

О ЗНАЧЕНИИ ЯЗЫКА В ЭТНИЧЕСКОМ САМОСОЗНАНИИ СИНГАЛОВ (ШРИ ЛАНКА)

Национальный язык является осознанной ценностью и предметом гордости основного этноса в населении Шри Ланки — сингалов, предки которых были выходцами из Северной Индии и поселились на острове Ланка не позднее середины I тысячелетия до н.э. Здесь они создали свою государственность под эгидой буддизма южного толка. Буддизм был принят сингалами как основное вероучение около III в. до н.э. и до сегодняшнего дня сохраняет свои идеологические позиции, оставаясь главной (государственной) религией в Шри Ланке. В

¹ Рушди С. Клоун Шалимар. СПб., 2007. С. 14.